

УБЕЖДЕННЫЕ И ПОКИНУТЫЕ

*О большевиках, участниках событий 1918-1921 гг. в крае,
чья имена носят улицы Тюмени*

Активные сторонники революционных преобразований, убежденные коммунисты оказались покинутыми единомышленниками по партии. Стоит ли, критикуя диктатуру пролетариата, забывать имена проводников советской политики в жизнь?

Эпоха революции 1917 г. и Гражданской войны 1918-1921 гг. является одной из самых изучаемых российскими историками. В историографии имеется значительный фонд публикаций о становлении большевистской власти, в том числе и о людях, работавших в нашем регионе. Особенно масштабным является комплекс материалов, подготовленный к 50-летию победы Октябрьской революции. Несомненно, что публикации 1920-1980-х гг. о героях революции в Тюмени стали частью советской историографии со всеми ее достижениями и просчетами. Работы, выполненные в соответствии с марксистско-ленинской схемой, отличались слабой обеспеченностью источниками, а их авторы не могли прямо говорить о проблемах, встававших перед ними при анализе событий революционного времени. Вместе с тем обращение ученых к изучению края, желание понять процессы, происходившие здесь, осознание важности для страны того, что случилось в провинции, являлось продвижением в осмыслении периода в целом.

После издательского «бума», имевшего место в период подготовки и празднования 40-летия, а потом и 50-летия Октябрьской революции, в изучении истории Гражданской войны в Тюменской (Тобольской) губернии¹. Сегодня нередко случается так, что авторы публикаций просто меняют положительный знак на отрицательный при оценке и людей, и событий. Если в 1920 -начале 1980-х гг. о видных советских работниках говорили с большим уважением, писали о необходимости равняться на революционеров, одобряли присвоение улицам имен выдающихся большевиков, то сегодня нередко просят администрацию о возвращении улицам старых названий. В Тюмени особенно явно это проявилось в стремлении части городской общественности переименовать улицу Семакова в Подаруевскую, вернув ей дореволюционное название.

Историки и сегодня нередко делают прямолинейные выводы либо избегают «трудных вопросов» при объяснении событий и роли конкретных людей в них. Даже в научных трудах авторы лишь ограничиваются перечислением широко известных старшему и среднему поколению фамилий участников революции и Гражданской войны в Тюменской (Тобольской) губернии². Думается, такой подход к освещению роли личности в истории не является оправданным. Необходимо взвешенное и гуманное отношение при исследовании не только отдельных фактов, но и в целом деятельности людей, ведь, по большому счету, нет ничего более важного, чем люди со всеми их достоинствами и недостатками, а само «...общество гуманистично настолько, насколько ценен в нем человек»³.

Несомненно, противоречивость мнений во многом зависит не только от сложности рассматриваемой проблемы, но и от недостаточной эффективности устоявшихся подходов к изучению темы. Академик И. Д. Ковальченко, говоря о новых возможностях исторической науки, подчеркивал необходимость понимания любого явления с учетом осознания его индивидуальности, неповторимости, рассмотрения его как части социальной жизни. Ученый указывал на важность установления связи анализируемых фактов с процессами, имеющими мировой резонанс, общечеловеческий характер⁴. Думается, такое видение основных принципов исследований вполне применимо и к изучению революционных событий. При этом разработки в области индивидуального, личного, в том числе и биографий большевиков, изучения судеб, изменения поведения людей под влиянием происходящих событий необходимы для дальнейшего анализа истории России в целом.

Даже сторонник Колчака, помощник диктатора по пропаганде профессор Н. В. Устрялов, анализируя причины поражения белого движения, писал госпоже Л. В. Голицыной в 1920 г.: «... большевики нас победили именно потому, что живых душ у них больше, чем у нас, что они выдвинули исторических людей, а мы нет...». В 1934 г. российский историк В. Ф. Иванов выразил практически ту же точку зрения: «У красных было определенное решение: против монархии за революцию; у белых — против монархии и против революции, а за что — неизвестно»⁵.

Большевики, как и представители небольшевистских партий, составляли в регионе меньшинство в сравнении с остальной частью граждан, но именно они «завели» население, заставили определиться даже самых пассивных. Были активисты и в нашем крае: Г. П. Пермяков, Н. М. Немцов, А. В. Семаков, П. Лопарев и другие. Это типичные представители рабочего движения: они пережили трудное детство, их не обошли стороной тяготы Первой мировой войны, им оказались понятными и близкими пролетарские идеи. В период революционных перемен они были молоды, здоровы, полны надежд на светлое будущее.

Самой короткий революционный путь прошел А. Семаков. Он родился в 1899 г. в Архангельской губернии, еще в юности сблизился с ссыльными социал-демократами, в 1917 г. вступил в партию большевиков, в 1919 г. воевал на Восточном фронте. После поражения Колчака его назначили военкомом Тобольской группы Красной Армии. Молодой человек всю свою сознательную жизнь посвятил борьбе за победу пролетарского дела, считая, что именно победа большевиков принесет освобождение трудовому народу. Сохранилось послание А. В. Семакова родным, написанное 27 мая 1920 г.: «Простите меня, что я так долго не писал Вам.... Завтра или числа 29 поеду в губернский город Тюмень на губернский съезд Советов депутатом.... Домой, еще раз говорю, не буду долго, считаю преступлением, надо работать для Советской власти, а это особенно надо в Сибири. Хотя и тяжело, но будем своего добиваться. Народ здесь более купеческого настроения, но думаю, что жизнь сама сломает их мелкобуржуазную психологию.... Сам живу ничего, с хлеба на соль перебиваюсь... даже в 10 раз хуже, чем иной обыватель. Живем коммуной, человек девять. Довольно весело, время за работой катится незаметно, даже о прошлом иногда надолго забываешь, так работа захватывает...»⁶.

Соратники о нем вспоминали тепло. Так, В. С. Борзаев запомнил, что А. В. Семаков старался не допускать грубостей по отношению к пленным, пресекал самосуды⁷. Он был до конца предан революционной идее и заявлял: «Я решил окончательно посвятить себя всего, всю душу, всю силу, всю волю, все способности, для дела рабочих, крестьян, для советской власти»⁸. Он сдержал данное слово, принимая участие в разгроме крестьянского восстания 1921 г. в Тюменской губернии. Это было последнее мероприятие, которое выпало на его долю. Молодого большевика убили восставшие крестьяне 29 марта 1921 г. под Вагайскими юртами. А. Семакова похоронили в Тобольске в саду у памятника Ермаку под артиллерийский салют. На похоронах присутствовало много народа. В честь погибшего одну из центральных улиц Тюмени назвали его именем.

Г. П. Пермяков родился в тюменской рабочей семье в 1894 г. Трудился с детства: сначала грузчиком на лесопилках, потом на тюменской пристани, ездил на заработки на уральский Нижнетагильский медеплавильный завод. В 1915 г. ушел на фронт, в 1917 г. вернулся в Тюмень, где было много демобилизованной молодежи. Одна часть бывших солдат разочаровалась в жизни вообще, не верила «ни в бога, ни в черта», вторая ожесточилась, третья хотела изменить жизнь к лучшему. Молодой, но уже с жизненным опытом, Георгий Пермяков вполне осознанно выбрал путь революционной борьбы. Он увлекался философией, историей и социологией. Современники после вспоминали об обаянии, которым он обладал, говорили, что он мог зажечь людей, умел убедить, ходил прямо, имел атлетическое телосложение, причем сохранил эти качества до зрелых лет⁹. Сразу после создания в

городе большевистской организации демобилизованный солдат — Г. П. Пермяков сделал окончательный выбор — участвовать в революционной борьбе и идти до победного конца. Он вступил в большевистскую партию, вошел в городской партийный комитет, был близок с Н. М. Немцовым.

Революция открыла парням с городских окраин огромную жизненную перспективу. За грядущее они готовы были отдать все силы, так как в случае поражения жизнь теряла всякий смысл. В ходе революционной борьбы молодые люди продвигались и по служебной лестнице, занимали видные посты сначала на местах, а потом и в Москве. Г. П. Пермяков стал в 1918 г. первым председателем большевистского совета депутатов и первым тюменским губернским военным комиссаром. В апреле 1918 г. по его инициативе из добровольцев было сформировано несколько красновардейских рот пехоты, кавалерийская и пулеметная часть, которые приняли активное участие в боях с белыми. Трудности военных походов и ужас белого террора Г. П. Пермяков описал впоследствии в своих небольших мемуарах¹⁰. Часть воспоминаний посвящалась верному товарищу Н. М. Немцову, у которого была похожая судьба. Сын тульского рабочего, он в 1897 г. вступил в социал-демократический кружок, а после революции приехал в Тюмень, где и принял активное участие в становлении советской власти.

Роль большевистской организации в общественной жизни Тюмени росла: увеличивалось количество ее членов, «партийцами» не только усваивались пролетарские идеи, но и просчитывались варианты поведения, разрабатывалась тактика реализации большевистских программ. В 1919-1920 гг. Г. Пермяков уже являлся активным членом Сибирского революционного комитета, работал в Омском общегородском комитете партии. Революционный период всегда казался самым ярким по впечатлениям и, как ему предствлялось, очень плодотворным в жизни. В 1925 г. в своей записной книжке он подчеркивал: «...Мы, неизвестные люди, чьи отцы и деды целые века были рабами, мы, сыны рабов, управляем шестой частью земного шара, границы наших владений раскинулись на необъятных просторах»¹¹.

Как и его соратники, Г.П. Пермяков считал, что расслабляться нельзя, накал борьбы ни в коем случае не должен ослабевать. Именно состояние мобилизации сил стало характерным для человека революционной эпохи. В записях, относящихся к 1925-1927 гг., большевик отмечал: «Побольше ненависти к врагам. Поймите, враг беспощаден»¹². Он был по-своему счастлив: много читал, продолжал интересоваться психологией, историей, политикой, собирал библиотеку. Особенно нравились ему герои горьковских произведений, обездоленные, бедные, но духовно богатые и сильные, готовые пожертвовать всем, но только не прозябать в унижении. Сохранилась тетрадь Г. Пермякова, в которой он делал записи о людях, производивших на него глубокое впечатление. Под названием «Психологические характеристики» было сделано несколько зарисовок. Самым подробным является описание героя произведения Л. Андреева «В темную даль»: «Было в нем что-то странное, не поддающееся определению. Высокий ростом, гордый поворотом головы, с пронзительным взглядом черных глаз из-под крутых выпуклых бровей, он напоминал молодого орла... с трепетной грацией хищника.... Все его движения уверенные, легкие, бесшумные, руки без колебания находили и брали, что им было нужно, он смотрел в глаза каждому глубоко и спокойно. В нем чудилось что-то затаенное и опасное, что видится в глазах ласкающего хищника. Говорит повелительно и просто, видимо, не обдумывая своих слов..., чувство раскаяния не могло иметь места в душе такого человека»¹³. Герой оказался ему не только понятен и близок, но и представлялся идеалом, являлся примером для подражания.

Г. П. Пермяков хотел понять чувства романтиков. Он пытался сформулировать определение романтика, подбирая, судя по записям в его тетради, необходимые слова из художественной и научной литературы. В своем анализе он использует такие характеристики: «любит идеальное», «трудно уживается с житейской про-

зой», «у таких людей преобладают чувства над умом»¹⁴. Георгий Прокопьевич много думал над смыслом и значением российской революции 1917 г., утверждая, что большевизм имеет непреходящее значение, но соглашался с тем, что в революции было «...немало случайного, преходящего, как в любом явлении, которое не может быть непогрешимым»¹⁵. Особенно его беспокоил вопрос об оправданности жертв, понесенных коммунистами. Он много думал «... о тех, кто без имени и числа отдал жизнь свою за дело освобождения человечества»¹⁶. Однако вывод, к которому он приходил в процессе размышлений, был однозначным: «Страдания и жертвы выковылают волю, вносят в борьбу настроение бесповоротности и решимости»¹⁷.

Г. П. Пермяков всегда мечтал получить хорошее образование. В 1926 г. его направили в Москву на учебу в Коммунистическую академию, которую он закончил в 1927 г. Остался в Москве, проработал в Наркомземе около 10 лет, позднее стал государственным арбитром при Совете Министров СССР. Трудился всегда много, к материальному благосостоянию и покою не стремился. Его никогда не покидали мысли о событиях первых лет советской власти, он не только постоянно вспоминал о них, но и пытался многое переосмыслить, писать, посещал архив Красной Армии. С удовольствием общался с тюменским краеведом А. И. Харитоновым, который просил помочь уточнить некоторые даты, касающиеся истории 1918-1921 гг. Старый большевик оказывал поддержку П. И. Рощевскому, работавшему над книгами по истории Октябрьской революции и Гражданской войны в Зауралье, вел с ним активную переписку.

Г. П. Пермяков радовался достижениям страны, а личные проблемы всегда ставил в подчиненное по отношению к общественным делам положение: «...Другая сторона — общественно-политическая — самая важная, насыщенная, напряженная деятельно-радостным оптимизмом от того, что переживает и достигает наша родина. Эта радость наполняет каждый день, делает спокойным и светлым будущее — несмотря на старость и болезни...»¹⁸.

К себе как к герою Гражданской войны особого внимания Г. П. Пермяков никогда не требовал. Даже не смог получить хорошей квартиры: в Москве имел комнату 20 м², где проживал с женой, и всегда чувствовал себя в столице чужаком. Однако двери его дома были открыты для земляков, с которыми он делился всем, что имел. Любил и принимал тюменцев, как родных. Его жена писала другу семье А. И. Харитонову в 1957 г. следующее: «После вашего отъезда у нас стало как-то неприятно пусто, видимо, оттого, что у нас почти никого не бывает, а наше постоянное одиночество, как бы ты к нему ни привыкла, утомляет»¹⁹.

Гордостью Г. П. Пермякова являлась огромная по тем временам библиотека. В ней были собраны книги по истории, философии, политике, древнему миру, средним векам, много публикаций о героических личностях. В 1955 г. коммунист вышел на пенсию, лето проводил на небольшой даче в Подмоскowie, а зимой по-прежнему занимался общественными делами. Он так повествовал о своей жизни: «...Она ничем не примечательна, днем работаем в саду, а вечером отдыхаем у телевизора.... С квартирой ничего не вышло, и мы махнули рукой, даже не вышло с путевкой в санаторий, все это требует ходьбы с просьбами, а для меня это острый нож, да и бесполезно, — кто я такой, только пенсионер, а что значат заслуги прошлого, люди живут настоящим и будущим»²⁰. С нетерпением Г. П. Пермяков ждал празднования 40-летия Октябрьской революции. Ему представлялось, что юбилей поможет увеличить интерес общественности к событиям 1917-1921 гг. Однако в 1957 г. вышел лишь небольшой комплекс из имеющихся воспоминаний, значительная их часть так и осталась неопубликованной. После празднования юбилея в письме к А. Харитонову в 1958 г. Георгий Прокопьевич с разочарованием отмечал: «...Ни Тюменский областной музей, ни архив, ни тюменские историки не уделяют должного внимания героической истории борьбы и первому периоду Советской власти в Тюмени, т. е. военной истории, а ведь в рядах красногвардейских отрядов

и воинских добровольческих частях Красной Армии отдали несколько тысяч жизней»²¹. Тюменцы просили написать воспоминания, но он не смог осуществить задуманное. Болел, был занят, да и «некуда садиться... нигде писать, пробовал на единственном столе..., оказалось невозможным..., с октября до мая читаю лекции, руковожу политкружком, нагрузка неимоверная..., книги не дают мне радости, наоборот, они лишают меня элементарных удобств...»²². Г. П. Пермяков подарил книги Тюменской областной библиотеке, где они хранятся и сейчас.

Однако мысли о важности написания воспоминаний не покидали Г. Пермякова. В 1962 г. он вновь повторил свои опасения: «Уже почти никого не остается, а действительная история (не архивная, а живая) Октябрьской революции и гражданской войны в Тюмени и Тобольске еще не написана, ее, конечно, напишут, согласно русской пословице, было бы болото, а черт найдется..., меня беспокоят попытки извратить и фальсифицировать историю Октябрьской революции и гражданской войны в Тюмени и Тюменской области, попытки охаивать тюменский пролетариат, предать забвению многие имена тех, кто отдал жизнь в борьбе за власть Советов»²³. Мемуарный фонд революционного периода так и не сложился в полном объеме — сразу после событий их участникам было недосуг. В период культа личности публиковать воспоминания участников Гражданской войны и революции было не принято. К 1960-1970-м гг. многие ушли из жизни, оставшиеся в живых забыли значительную часть из того, что произошло.

То, что люди не помнят заслуги участников революции и Гражданской войны, большевики ощутили еще при жизни. Это чувство особенно обострилось, когда страна отмечала юбилейные даты — сначала 40-летие, потом 45-летие и 50-летие Октября. Об этом земляки писали Г. П. Пермякову в Москву. В местной печати также появлялись заметки, в которых говорилось о том, что героев молодежь не знает. Так, один из участников Гражданской войны Ф. Лушников в 1964 г. отмечал, что в поездке по местам боевой славы в Ишимском крае он увидел некрашенные памятники, заброшенные могилы героев. В середине 1960-х гг. П. Пермяков был уже очень болен. Его душевное состояние также не отличалось оптимизмом. В 1964 г. он писал А. Харитонову о невнимании к старому большевику со стороны советских аппаратчиков: «А ведь могло быть иначе, если бы я встретил немного человечности, внимания со стороны единомышленников в райкоме или райсовете, теперь на это махнули рукой»²⁴. Особенно не удовлетворен он был тем, что молодежь не может по достоинству оценить завоевания отцов, бюрократизм разъедает советское государство, а чиновники используют служебное положение в корыстных целях. Г. П. Пермяков умер в Москве в 1965 г. 9 февраля 1966 г. решением горисполкома улица в одном из новых микрорайонов города Тюмени получила его имя.

Видным советским работником стал и Н. М. Немцов. Он быстро продвигался по службе. В 1918 г. его избрали председателем Тюменского совета рабочих и солдатских депутатов, после освобождения края от Колчака назначили председателем губернского ревкома, впоследствии перевели в Тамбов, где он принял участие в подавлении крестьянского восстания в 1921 г., а потом в Москву. Столица открыла для него широкие возможности. Н. Немцов стал членом коллегии Народного комиссариата юстиции, членом Верховного суда РСФСР и СССР, председателем Московского областного суда, заместителем председателя комиссии по частным амнистиям ВЦИК, заведующим секретариатом ВЦИК, членом Контрольной комиссии при Московской партийной организации. Для того, чтобы сделать такую карьеру, необходим был образ преданного и нестигаемого большевика. Положительные характеристики Н. М. Немцову приходилось давать и тюменским товарищам с целью подтверждения благонадежности, а также для уточнения биографических данных, связанных с сибирским периодом работы. Его жизнь неожиданно оборвалась в 1938 г., только 7 декабря 1957 г. решением Тюменского горисполкома одна из улиц центральной части города стала называться именем Н. М. Немцова.

У одного из главных организаторов партизанского движения на Обском севере П. И. Лопарева судьба оказалась не менее драматичной, хотя об этом не говорилось в работах, вышедших до середины 1980-х гг. Родился в 1890 г. в селе Самарово Остяко-Вогульского округа на берегу Иртыша. С детства пришлось много работать, потом Первая мировая война, фронт. Октябрьскую революцию он искренне приветствовал. Революция освободила новобранцев от тягостной воинской повинности, от участия в братоубийственной бойне, дала возможность вернуться домой. Однако война догнала П. Лопарева, ему пришлось воевать в родных краях, участвовать в подавлении крестьянского восстания 1921 г. на Обском Севере. Он являлся организатором Северного экспедиционного добровольческого отряда, принявшего активное участие в борьбе с крестьянами в Сургутском и Березовском уездах. В мае 1921 г. на общем собрании в Обдорске он дал клятву: «Не пойдем ни на какие обманы контрреволюции и никому не позволим на нас поднять руку против Советской республики»²⁵. За участие в боях на Восточном фронте в период Гражданской войны П. И. Лопарева представили к Орденом Красного Знамени, но положительного решения центральных властей не последовало²⁶. В ответе Тобольскому районному совету профессиональных союзов объяснялось, что представление лиц к наградам за проявленный героизм в 1918-1921 гг. уже прекращено. Скорее всего, это было связано с изменением отношения и в обществе, и во властных структурах к событиям 1921 г. в Сибири. Коммунистов и продработников обвинили в чрезмерном давлении на деревню, превышении полномочий в период «военного коммунизма», что якобы и явилось одной из причин крестьянского восстания. При такой постановке вопроса о наградах речь идти уже не могла. После окончания Гражданской войны Платон Ильич работал в местной кооперации, потом Обьрыбтресте, стал директором Обско-Тазовской научной рыбохозяйственной станции, даже написал несколько научных работ²⁷.

По свидетельствам современников, Платон Лопарев отличался находчивостью, ловкостью, храбростью и эмоциональностью. О событиях первых лет советской власти вспоминал как о самом важном периоде своей биографии: «...Историки и писатели, сосчитайте эти братские могилы большевиков от Тюмени до Томска, тогда вы уясните себе всю величину жертв революции в этом северном глубоком уголке единого пролетарского фронта»²⁸. Жил «как все», богатства не имел. Он долгое время мечтал купить фотоаппарат: это ему удалось только в 1936 г. в Москве. Его дочь впоследствии вспоминала, что когда отца в 1937 г. арестовали, то взяли все самое ценное: охотничье ружье, бинокль, фотоаппарат, пленку, химикаты. Унесли 415 страниц документов и переписки по истории партизанского движения. Все это бесследно пропало»²⁹. После исключения из партии П. И. Лопарев подал апелляцию в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП (б), в которой написал, имея в виду научные и хозяйственные недоработки, что его ошибки — «проступки стрелочника». Он старался доказать отсутствие за ним «сознательной вины», признавал только то, что не критиковал московское руководство за ошибочные указания, «...допускал недоведение до конца моих сомнений о неправильных и неверных направлениях в работе треста»³⁰. Платон Ильич просил оставить его в рядах партии, так как «...уже наказан до потери инстинкта к жизни»³¹. Однако к этим раскаяниям никто не прислушался. Вспомнили то, что его отец был середняком, обвинили в связях с эсерами с 1917 г. и «врагом народа» Углановым — бывшим управляющим Обь-Иртышского рыбного треста, репрессированным в 1937 г. за контрреволюционную деятельность в Москве³². Впервые о страшных событиях, произошедших в судьбе П. И. Лопарева, рассказал Р. С. Гольдберг: в 1937 г. исключили из партии, потом арестовали, а летом 1938 г. расстреляли по решению тройки НКВД Омской области³³. После реабилитации большевика 4 декабря 1957 г. постановлением городского Совета депутатов трудящихся одна из улиц Калининского района города Тюмени была переименована в улицу П. Лопарева. Коммунисты восстановили его в рядах партии только в 1989 г.

Люди революционной эпохи были убеждены в своей правоте. Ни один из них не разочаровался в том, что произошло. Все они единодушно считали период революции и Гражданской войны самым счастливым в своей жизни. Время, которое выпало на их долю, ознаменовалось не только решительными преобразованиями, но и утверждением психологии войны как повседневности. Это привело к падению ценности самой человеческой жизни. Укреплению приоритетов жесткости, негибкости, непрерывности способствовала атмосфера экономических трудностей, централизация всех сфер жизни, единообразия государственного мышления. И даже самые бескорыстные защитники трудового народа, какими являлись наши герои, вынуждены были руководствоваться диктаторскими принципами и пользоваться большевистскими методами руководства. Это нередко наносило боль не только окружающим, но и приводило к разочарованию самих большевиков.

В мирное время, несмотря на сравнительно успешную карьеру, неплохие условия жизни, многие из бывших участников Гражданской войны в Тюменском крае были не довольны существующей действительностью. Оставаясь коллективистами, общественниками, активными профессионалами, патриотами, они не могли мириться с бюрократизмом, использованием служебного положения в личных целях некоторыми советскими служащими, волокитой, царившими во многих учреждениях. Однако открыто против недостатков не выступали. Они опасались не только за себя, но и за свои семьи, что особенно проявилось в 1930-1940-е гг. Судя по воспоминаниям Г. П. Пермякова, старались меньше встречаться в нерабочее время с сослуживцами, некоторые избегали даже давно знакомых товарищей. Дело доходило до того, что люди опасались справиться о тех, кто неожиданно и бесследно пропал. Так, в одном из писем к другу в Москву П. И. Лопарев отмечал, что потерял связи с некоторыми товарищами и спрашивал: «Не случилось ли что-нибудь страшное?»³⁴. Впоследствии и это письмо было приобщено к его делу НКВД.

С середины 1950-х гг., после смерти И. Сталина, друзья стали видеться чаще, что объяснялось еще и подготовкой к юбилейным датам. Общению несказанно радовались все. Об одной из встреч, состоявшейся в 1961 г., участники подавления крестьянского восстания 1921 г. на Тюменском севере вспоминали так: «...Мы коллективно просмотрели имеющиеся фотографии..., фотоснимки комсомольских и партийных конференций, узнали многих друзей юности, товарищей по работе, уточнили их фамилии, место жительства. Как нам было радостно и весело вспомнить нашу юность, мы пели любимые комсомольские песни: «Эх, Дуня, Дуня-я, комсомолочка моя», «Наш паровоз, лети вперед», «Смело, товарищи, в ногу»³⁵. Представляя картины обыденной жизни простого и критикуемого сегодня советского человека, мы, как отмечает А. И. Редель, «...начинаем, наконец, ценить, то, что стремительно стали терять: бескорыстие и непосредственность, нашу примитивную простоту»³⁶. Сегодня ясно, что понять смысл революционных преобразований и их значение невозможно без изучения деятельности конкретных личностей. В современной историографии преобладают гуманные подходы к исследованию проблемы. Пришло время отталкиваться не от эмоциональных, а от научных принципов. Ясно одно: нельзя обходить молчанием, нельзя забыть имена участников Гражданской войны. Необходимо попытаться понять их, тем самым сохранить преемственность поколений россиян, учесть их положительный и отрицательный опыт. Коммунисты попытались утвердить социальную справедливость путем отрицания рынка, частной собственности, утверждения коллективизма, но использовали непозволенные средства, прежде всего, насилие, что неизбежно привело страну к тоталитаризму, застою, бюрократизации общества. Скорее всего, они этого не хотели, так получилось...

Представляется, что улицы, названные именами тюменских коммунистов, будут напоминать о нашей противоречивой и трудной истории. Драматизм событий 1917-1921 гг. во многом обуславливался разным уровнем социально-политического, эко-

номического положения людей. Негативно сказывалась на обществе пропагандируемая большевиками разорванность связи поколений. Расшатывал социальную стабильность нигилизм по отношению к духовным ценностям российского народа, пренебрежение к его национальным традициям, к достижениям дореволюционной культуры, которые история не прощает никому, даже тем, кто стремился заботиться о нуждах всего простого народа. Забыть об этих исторических уроках — значит создать условия для повторения старых ошибок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рощевский П. И. Г. П. Пермяков. Тюмень, 1957; Гамбаров А. А. В. Семаков. Тюмень, 1957; Он же. Платон Лопарев — герой-партизан // Тюм. правда. 1957. 5 июля; Он же. П. И. Лопарев. Тюмень, 1958; Рощевский П., Никифорова М. Сквозь годы. Свердловск, 1967; Они же. Борцы во имя светлого будущего. Тюмень, 1967; Улицы Тюмени рассказывают. Свердловск, 1979.

² Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917-1921 гг.). Тюмень, 1999. С. 84.

³ Пуляев В. Т. Целостный человек и детерминанты его общественного развития // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6. С. 163.

⁴ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // НИИ. 1995. № 1. С. 3-33.

⁵ Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра до наших дней. М., 1999. С. 456.

⁶ ТОЦДНИ. Ф. 1545. Оп. 1. Д. 789. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 222. Л. 56.

⁸ Там же. Д. 789. Л. 11.

⁹ Там же. Ф. 1545. Д. 222. Л. 102.

¹⁰ Там же. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 61.

¹¹ Там же. Д. 50. Л. 7.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Д. 52. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Там же. Д. 50. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Там же. Д. 60. Л. 55.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Там же. Л. 25 об.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Лл. 51-52.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 60. Л. 54 об.

²⁵ Там же. Оп. 15. Д. 5. Л. 11.

²⁶ Там же. Оп. 16. Д. 7. Л. 8.

²⁷ Лопарев П. И. О садовом рыбном хозяйстве Обско-Иртышского Севера. Тобольск, 1936.

²⁸ ТОЦДНИ. Ф. 4012. Оп. 16. Д. 18. Л. 1.

²⁹ Гольдберг Р. С. Не склонив головы // Тюм. правда. 1988. 30 янв.

³⁰ ТОЦДНИ. Ф. 4012. Оп. 16. Д. 13. Л. 5.

³¹ Там же. Л. 10 об.

³² Там же. Д. 14. Л. 4.

³³ Гольдберг Р. С. Платон Лопарев — коммунист // Тюм. правда. 1989. 8 июля.

³⁴ ТОЦДНИ. Ф. 4012. Оп. 16. Д. 10.

³⁵ Там же. Оп. 20. Д. 11. Л. 21.

³⁶ Редель А. И. Российский менталитет: от политико-идеологических спекуляций к социологическому дискурсу // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 5. С. 160.